

ШИРИН МАНАФОВ

Мастер по «изготовлению» звезд.

Это очерк об одном из первых исследователей архитектурного наследия албанского периода нашей истории. После победы во второй Карабахской войне привести доказательства длительного системного изучения истории, религии, архитектуры Кавказской Албании азербайджанскими учеными, рассказать об их вкладе в сохранении этого бесценного культурного наследия крайне важно.

Традиционное начало статей об архитекторах такое: по проектам нашего героя созданы такие великолепные сооружения как ....

Начнем с самого замечательного достижения выдающегося педагога Архитектурно-строительного института Арифа Асланова. Его лучший проект – ученики, в большинстве своем ставшие выдающимися деятелями зодчества и культуры. С 1967 года и до смерти педагога в 2006 году его ученики были постоянными лауреатами международных и всесоюзных конкурсов. А. Асланов получил диплом в 1960 году, проработал два года в «Азгоспроекте» и по рекомендации кафедры стал педагогом, читал курс лекций в институте по градостроительству.

«Его лучший проект, – говорит один из учеников, архитектор **Алик Кадыров**, – создание в нашем институте в 1978 году студенческого конструкторского проектного бюро – САПИБ. Это был праздник молодости, дерзости, творчества, карнавальной культуры. Все студенты, кто варился в этой каше, стали со временем самыми интересными архитекторами, дизайнерами, художниками и педагогами Баку. Не говорю, самыми успешными, но в творческом плане самыми оригинальными и заметными».

Для Баку во времена Советского Союза САПИБ сыграл такую же роль, как «Битлз» для рок-движения в 70-80 годах прошлого века. Без всякого преувеличения можно сказать, что САПИБ для интеллектуальной панорамы Баку 1980-90 годов – явление, равное возникновению джазмугама Вагифа Мустафазаде, творчество которого Ариф обожал, будучи прекрасным знатоком и классики, и мугама.

– Для меня и моих друзей Ариф жив, – говорит Алик Кадыров, – обсуждая с друзьями те или иные вопросы, мы все время вспоминаем мнение учителя, хотя прошло десять лет, как учитель ушел из жизни.

– Речь идет не только о архитектуре и искусстве, но и о политике и истории, – вступает в беседу другой ученик, **Осман Бархалов**, в те годы председатель совета СНО архитектурного факультета. – Нельзя ограничивать воздействие Арифа только рамками нашей профессии. Хотя такое трудно себе представить, говоря о преподавателе, в 1973 году читающем лекции по градостроительству. Ариф был одним из учителей, начавшим подготовку к победе 2020 года в далеком 1972 году. Впервые в истории Азербайджанской ССР и вообще всех национальных республик СССР Ариф стал инициатором важнейшей национальной программы. Начиная с 1972 года, на период летних каникул Ариф отправлял своих студентов по районам республики с целью выявления, фиксации и описания памятников архитектуры и археологии. Всеми позабытые, не взятые на учет Комитетом по охране памятников важнейшие свидетели формирования государства и нации были впервые зафиксированы как объекты большой исторической и культурной ценности. Программа государственного уровня была выполнена студентами по инициативе скромного педагога Политехнического института.

С 1973 года началось формирование этого феномена под названием САПИБ. Один неверный шаг, и Арифа вместе с преподавателем кафедры изобразительных искусств, его другом **Валехом Гаджиевым**, обвинили бы в национализме.

Но друзья придумали отличное прикрытие своей программе: летняя практика студентов, описание памятников, выбор дипломных работ.

Благодаря этой программе были описаны, созданы чертежи планировки, сфотографированы десятки прежде не взятых на учет памятников истории и зодчества, в большинстве своем именно албанского периода. В частности, в нагорном и равнинном Карабахе.

На работах учеников было написано «Малоизученные памятники», хотя на самом деле памятники эти никогда прежде и не изучались, самое печальное – не воспринимались как памятники истории и культуры.

Исследование памятников под руководством Арифа Асланова внесло большой вклад в науку, – далее говорит Осман Бархалов, – поскольку мы изучали и описывали памятники, большинство из которых до нас не были отражены в трудах по истории архитектуры Азербайджана. Изучали «Пери-гала» и однефную церковь с криптой в Загатальском районе, «Кероглу галасы» в Товузском районе, «Агван-галасы». Была проведена локализация городища Хал-хал в Газахском районе, обследован ряд крепостей и средневековых христианских храмов во всех регионах Азербайджана.

Главное внимание Ариф уделял памятникам в приграничных районах республики, и особенно в сопредельных странах, в первую очередь на территории нынешней Армении и Грузии. Многие храмы Кавказской Албании впервые найдены и описаны благодаря инициативе Арифа и Валеха.

– Вместе с Арифом и Валехом мы посетили раскопки в пещере Азых рядом с Гадрутом, – рассказывает один из близких друзей Арифа профессор, скульптор **Альберт Мустафаев**. – Археологи отмечали эрудированность Арифа, благодаря которой он подсказывал, как опередить и обезоружить претензии на Азых армянских ученых и общественных деятелей. Уже тогда армяне предпринимали попытки национализировать памятник всемирной истории на том лишь основании, что пещера находится вблизи села Азох, населенного армянами.

Будь Ариф Асланов председателем комитета охраны памятников, продержись он каким-то чудом на этом посту несколько лет, мы были бы подготовлены к историческим катаклизмам времен распада СССР. Разумеется, никакой поддержки программа Арифа не имела и иметь не могла в стране, где вера в интернационализм погрузила историческую науку в национальных республиках в глубочайший сон.

– По поводу переворота в исторической науке, – отмечает Осман. – Приоритеты в изучении истории распределяла Москва. Для Баку – мусульманский период, а вот для Еревана и Тбилиси – христианский период на Кавказе.

И вдруг без всякого согласования с начальством, партийным и научным, скромный преподаватель Ариф предлагает в 1975 году своим ученикам на студенческих конференциях архитектурных вузов Закавказья прочитать доклады об исследованных ими памятниках Кавказской Албании. Впервые целый отряд неординарно мыслящих молодых ученых заявил о системном изучении негласно запрещенной для Баку, для нашей науки темы. Это вызвало такое потрясение у армянских участников конференции, что Эльхана Асадова, автора доклада по Ордубаду, и меня неожиданно пригласили в Ереван. В актовом зале тамошнего Политеха Эльхан прочитал доклад о памятниках Ордубада, а я о христианских храмах Шеки-Белоканской зоны. Нам задавали одни и те же вопросы, не связанные с наукой. Ученых Еревана остро интересовали другое. Главный вопрос – чья это была инициатива изучать албанские храмы? Они требовали конкретные имена. Для Еревана это был шок, взрыв, недопустимая вольность азербайджанских архитекторов, которую надо срочно пресечь, сообщив Москве.

Конечно, наши ответы имели целью отвести удар и от учителя, и от нашей программы. Мы отвечали, что речь идет о всего лишь о выборе темы для дипломных работ. Надо признать, что в те годы инициатива Арифа по изучению албанских храмов не встречала поддержки институтов АН: все ждали распоряжений сверху, из Москвы. А благословения все не было, и единственный, кто не ждал и не намерен был ждать, был Ариф.

1975 год – один из самых благополучных и безмятежных в истории СССР. Сообщение о том, что в это самое время, среди глубокого сна, в Баку возник очаг сопротивления стратегии Еревана по присвоению, ассимиляции памятников культуры Азербайджана, вызвало бешеное сопротивление Еревана. Тогда ничто не предвещало ни распада Союза, ни превращения Армении в государство-агрессор. Хотя стратегия Еревана по «приватизации» всего албанского наследия в Закавказье выработывалась в те самые 1970-е годы тотальной блаженной спячки.

– По завершении конференции студентам вручили дипломы участников, что не могло уже скрыть очевидный для нас факт, – вспоминает О.Бархалов. – Элита Еревана живет вне установок СССР и создает, скажем так, накопительную базу для притязаний на нашу культуру и территорию. Если бы Ариф получил в 1975 году поддержку, в 1990 году мы бы имели несоизмеримо более высокий уровень подготовленности к агрессии, атаке на Карабах. Как следствие, имели бы гораздо больший уровень поддержки у международного сообщества, да и в самой Москве. Раскаленная атмосфера ереванской конференции 1975 года позволила ученикам и Арифу приобрести уникальный для тех времен боевой опыт и уверенность в правильно выбранном направлении формирования молодой интеллигенции. Развивать именно то, что вызывало такую ярость у Еревана.

Они привыкли к безропотному подчинению со стороны азербайджанских историков указаниям из Москвы. Арменизация памятников домусульманского периода в Закавказье рассматривалась в Ереване как важный этап на пути присвоения и достижений культуры и территорий Азербайджана. Поэтому доклады учеников Арифа на банальной студенческой конференции произвели в Ереване эффект разорвавшейся бомбы. Вопреки прессингу Еревана, Ариф продолжил свою программу и каждое лето отправлял студентов в регионы республики.

Уже в 1975 году Ариф и его соратники предвидели 1990 год. Ярость, раздражение Еревана подстегнули Арифа к еще более активным действиям, и теперь наряду с изучением памятников Лачина и других приграничных районов, Ариф бросает вызов Еревану и создает проект памятника в честь 1500-летия Кавказской Албании.

Совместно со своим другом и учеником Владимиром Калининым он пишет доклад «К вопросу историографии Кавказской Албании».

Разоблачает «научное» усердие доцента кафедры, преподавателя архитектуры Льва Мамиконова, который до этого вместе со своим учеником Саркисовым, не встречая сопротивления, с большим увлечением занимался омоложением азербайджанских памятников. Умело используя безразличие научного начальства к проводимой Ереваном политике ассимиляции памятников истории домусульманского периода, два армянина – преподаватели факультета архитектуры бакинского Политеха омолаживая памятники, занимались отчуждением этого периода, фактически вычленив домусульманского и особенно христианского культурного слоя из истории Азербайджана. Только Ариф и Валех посмели в те годы разоблачить авантюризм Мамиконова.

Создание студенческого клуба САПИБ можно назвать событием национального масштаба. Вовлекая в научный спор с Ереваном истинных патриотов среди преподавателей и студентов, Ариф честно предупреждал их об опасности избранного пути. Гиперреакция армянских ученых доказала, что этот опасный путь был одновременно и единственно правильным.

Осман Бархалов: Что в первую очередь встревожило армянских ученых в моем докладе? Это приведенные в нем убедительные доказательства того, что храм близ села Мамрух Загатальского района генетически близок храму Звартноц близ Еревана. Это вызвало шоковую реакцию у армян, так как доказывало, что Ереван был частью единого культурного пространства задолго до появления армян в Закавказье. Инициатива Арифа стала программным направлением: на втором этапе он и его ученики изучали на собранном материале именно генетическую близость памятников на территории нашей республики и Армении.

Программа Арифа уникальна и необходима для нас, так как в 1972-77 годах еще далеко не все памятники албанского периода в Армении были арменизированы.

В 1973 году по заданию Арифа О.Бархалов, работая над чертежами крепости Пери-гала рядом с селом Юхары Чардахлар, обнаружил выбитый в скале проход диаметром в 2 метра к смотровой башне на вершине скалы. После землетрясения проход был уничтожен. Затем изучил и описал монастырский комплекс Иедди килься рядом с Гахом. И это вновь вызвало шок в Ереване.

***

Отчуждение имеет конкретную цель. Памятники архитектуры и археологии – это стражи государства. Но если хозяева к ним безразличны, их легко присвоить и использовать в своей игре.

Чтобы показать всю опасность проходившего в те годы в мягкой, скрытой форме процесса отчуждения памятников истории, и было создано студенческое бюро.

Валех Гаджиев и студенты – братья Миралаевы изучали крепость и храм в селе Юхары Аскипара Газахского района.

Валех снял над дверным проёмом храма каменную плиту с надписью «Я, Иранти, слуга князя Гасан Джалала, построил этот храм» и отвез её в исторический музей в Газахе. Стоит посмотреть на карту, и станет ясно, почему он это сделал, но это сейчас всем понятно. А в 1974 году это был прорыв, огромное опережение, проявление незаурядного научного предвидения, политическая дальновидность и, конечно, бесстрашие, так как тут же армяне подняли крик об искажении истории, памятников и требовали возвращения плиты с албанской надписью.

Какова значимость программы Арифа и для чего нужны аналитики, опережающие время?

Ариф и Валех бросали вызов процессу арменизации албанских памятников и требовали оказать сопротивление присвоению армянами албанского культурного наследия.

Первая атака была предпринята именно на село Юхары Аскипара. Еще в 1989 году армянские националисты ворвались в село Юхары Аскипара, выгнали оттуда азербайджанцев на том основании, что албанский храм вблизи села принадлежит якобы армянской истории и, значит, мусульмане здесь пришлые.

За безразличие к памятникам своей истории приходится дорого платить. В 1985 году наш комитет по охране памятников дает согласие на реставрацию албанского храма в селе Ашагы Аскипара Газахского района. Эчмиадзин оплатил «реставрацию», проведенную в чисто армянском стиле – албанская символика и надписи были уничтожены и заменены на армянские. В 1992 году на том основании, что в селе Ашагы Аскипара находится якобы армянский храм, село было оккупировано и до 2020 года находилось под оккупацией. Вот чем все это закончилось, а вернее, началась расплата за безразличие официальной науки к памятникам домусульманского периода.

Программа по выявлению памятников Арифом и его учениками проводилась несколько лет, причем акцент был сделан именно на приграничные районы Карабаха.

Для Арифа было важно убедить студентов, что фиксация памятника – это первый этап, мы должны вернуть нации памятник как документ истории и культуры. В 1973 году такие лекции не читались, и никто, кроме Арифа, так не интерпретировал роль архитектуры. Из программы описания неизвестных памятников и вырос легендарный САПИБ.

Роль Арифа не только в том, что им создана школа, целое направление для возвращения в лоно азербайджанской культуры забытых памятников раннего средневековья. Не менее важно другое: в 1972 году начался сбор доказательной базы того, что речь идет о памятниках – символах центров опережающего развития. Ариф является инициатором исторически верного в науке направления. Битва идет не за территории, но за очаги опережающего развития, объединяющие этносы данного региона. Здесь гораздо выше ставки, речь идет о предвестнике развала СССР и войны за Карабах, то есть, речь об уловителях подземных толчков, предвестниках извержения вулкана. Битва за очаги опережающего развития – вечная. Так считал Ариф, но и сейчас так понимают и анализируют процесс единицы. Не закончится все возвращением Шуши, Нагорного Карабаха. Ставки много выше. То, что начато в 1975 году, будет продолжено, и опыт Арифа нам поможет подготовиться к новому периоду.

Осман Бархалов: Ведь что поразило ученых в Ереване? Азербайджанские ученые изучают генетическую связь храма в Мамрухе около Загаталы и храма Звартноц рядом с Ереваном. Еще больше насторожило и то, что поиском генетического родства памятников стали заниматься в Баку системно. Причем, что очень опасно – это независимая группа исследователей под руководством опытного и тонкого политика. А то, что архитектура в такой же мере политика, как и история, – неоспоримо. Никто и не мог поверить в то, что Ариф действовал на свой страх и риск. Слишком резко это противоречило линии ЦК КПСС. Явно за студентами и педагогами с кафедры архитектуры кто-то стоит. Но никого не было.

***

В научном плане программа САПИБа также была плодотворной.

С 2002 по 2006 годы в журнале «Известия АН Азербайджана» публиковалась монография Арифа «Девичья башня – одна из древнейших обсерваторий».

– Эта монография только одна из сфер разносторонних интересов Арифа, – говорит его ученик, археолог, доктор исторических наук **Туфан Ахундов**. – Почему каждый из учеников Арифа помнит о нем до сих пор? Советуются друг с другом, размышляют, как в той или иной ситуации повел бы себя наш учитель. Речь идет о представителе редкой касты – исследователе стратегии противника. В 1972 году их было мало, но все же они были. Об Ариффе надо говорить как о лидере, который в 1972 году вместе с молодыми специалистами раскрыл важную для будущего нашей страны тему – выявление характерных черт, присущих центру опережения – культурному оазису, задающему направление развития региону и народам. Описывая отдельный памятник, мы учились у Арифа выявлять генетическое родство памятников соседних регионов, соседних стран. Сейчас это бесценный материал, доказывающий принадлежность Карабаха нашей культуре.

Стратегия Арифа заключалась в изучении и памятника, и сферы его влияния. Например, как возведение храма XII века отразилось на ритуалах, обычаях, фольклоре, названиях населенных пунктов, образе жизни и системе ценностей жителей данного региона. А отсюда и выявление сферы влияния данного региона на соседей. Важно не только определить близость в архитектурном решении храма в Мамрухе и храма Звартноц рядом с Ереваном, но и выявить сферу влияния матрицы – очагов опережающего развития.

То есть, программа Арифа по изучению памятников Южного и Северного Кавказа создавала базу под его теорию.

Первостепенное значение придавалось изучению памятников Нахчывана, Карабаха, всех приграничных районов. Очаги опережающего развития принадлежат нашей истории и должны быть изучены независимо от их места нахождения: Зангезур, Тебриз, Ардебиль, Дербент, Ереван...

– Сейчас об этом легко говорить, – вспоминает Алик Кадыров, – а в 1975 году одно только подозрение об истинных целях студенческого кружка под командованием Арифа в Политехническом могло привести к тому, что всех студентов раскидали бы по другим техническим вузам, а педагогов выгнали из рядов компартии и с работы. Разумеется, без шансов преподавать не то что в вузе, даже в школе.

Ариф ставил цель создать атмосферу соревновательности среди молодых ученых, научить их грамотно бросать вызов официальной науке. Этим он занимался всю жизнь. В состав ядра САПИБа на равных входили студенты разных национальностей: талыши, русские, азербайджанцы, лезгины, татары. Одним из самых близких стал для Арифа Володя Калинин, в соавторстве с ним был подготовлен доклад по историкографии Кавказской Албании.

Ученики – Алик Кадыров, Осман Бархалов, Володя Калинин, Туфан Ахундов, Абдул Гусейнов и многие другие – хранители традиций САПИБа, как и директор музея Архитектурно-строительного вуза Гюльмира-ханым, бережно сохранившая документы и фото тех далеких уже лет.

Все ученики Арифа стали экспертами в избранной области и, что не менее важно, состоялись как личности.

– Мой учитель был всего на 4 года старше, – рассказывает Алик Кадыров. Более тридцати лет преподавал архитектурное проектирование и изобразительное искусство. – На первом курсе в 1959 году 17-летним мальчишкой я метался между художественным училищем и Политехом. Но после первой же лекции Арифа твердо решил: буду архитектором.

Прошло более полувека, и я, как и многие его студенты, благодарен Арифу за годы обучения, за умение частную задачу решать в русле мировых достижений. За четкость формулировок и умение быть хозяином собственной эрудиции. Это смотрелось как озарение на фоне других педагогов. Ариф научил нас верной тактике самообразования, необходимой для каждого студента.

Валех Гаджиев рассказывал, что Ариф использовал удивительно точный образ для обозначения архитектуры. Архитектура, говорил Ариф, это Амазонка, великая река, в которую впадает множество больших и малых рек. Вместе они создают бассейн реки Амазонки – громадный и фантастически богатый мир. Река сильна притоками, в свою очередь, бассейн реки Амазонки снабжает притоки водой.

В градостроительстве это выражается наиболее ярко: наряду со знанием профессии, необходимо знание многих дисциплин. Например, как формируется климат данного региона, города, социальный состав населения и т.д. Архитектура формирует общество, и способна превратить среду обитания в праздник комфорта и креативности, или превратить город в ад трущоб и деградации.

Многие ученики Арифа Асланова сейчас главы проектных бюро, как Абдул Гусейнов, или заведуют отделом архитектуры во многих наших городах. Одним из его учеников является бывший главный архитектор Баку Акиф Абдуллаев....

– Я окончил вуз в 2002 году, – рассказывает **Абдул Гусейнов**, – со второго курса Ариф преподавал мне композицию и проектирование. Конечно, лекции эрудиции меня поразили и привели в мастерскую Арифа. Ариф создал для студентов атмосферу и дружелюбную и требовательную одновременно. Без какого-то напряжения, без усилия над собой я рассказывал педагогу обо всем, что меня интересовало. Ариф предложил мне принять участие в международном конкурсе проектирования библиотеки будущего, объявленного Технической академией Нью-Йорка. Мы обсуждали с ним мой проект библиотеки будущего.

Первое место взяли американцы, второе – японцы, мне же дали поощрительный приз.

Ариф приохотил к международным конкурсам многих студентов, сделал из них участников международного архитектурного процесса.

Он умел предвидеть многое, потому что воспринимал мир по-иному.

Как-то мы с ним проезжали мимо здания филармонии, напротив стояли два здания – музей искусств и рядом бывший горком партии, где тогда уже располагался музей. Ариф заметил, что для создания единого музейного комплекса необходимо наличие переходного корпуса между этими зданиями, и предложил мне заняться этим проектом.

В своей дипломной работе я изобразил свою версию переходного здания.

Ариф посмотрел и сказал мне, что пройдет время и тебе поручат это здание создать.

Действительно, спустя пять лет мне предлагают создать переходное здание, объединить два рядом стоящих музея.

На всех этапах подготовки дипломной работы он обсуждал со мной детали, общую концепцию, тогда как другие педагоги обсуждали конечный вариант.

На третьем курсе он дал мне задание – поимпровизируй на тему фасада банальной хрущевки.

Я дал свои версии, а он за минуту-две набросал несколько версий фасадов хрущевки в стилистике неоклассицизма с элементами национального колорита. Затем в стиле готики, барокко, рококо и советского конструктивизма. Это был карнавал фантазии, вы представляете себе хрущевку в готическом стиле или в стиле ампир?

Это был праздник, который навсегда останется со мной.

Казалось, что передо мной сам Гауди. Советовал мне изучать Корбюзье, как выразился Ариф, «Корбюзье рисовал архитектуру». Говорил об увлеченности Пикассо разными стилями как о движении мысли и внимательном отношении к дерзости как мировому явлению. Единому для архитектора, художника, ученого. Иначе ты – исполнитель, творец хрущевки. Масштаб, ритм, восприятие и драматизм – во всех составляющих архитектурного ансамбля или картины должно быть проявление вашей индивидуальности.

Желающих экспериментировать Ариф уважительно называл «коллега». Это высшая оценка, звучало, как «добро пожаловать в наш клуб». У него было ярко выраженное ансамблевое мышление. Все настоящие архитекторы – члены тайной мажоранской ложи.

Он учил студентов строить не здание, а социальную среду, поручал им создавать архитектурные ансамбли, сейчас их называют элитными комплексами. Ариф называл их иначе – социальная среда для развития населения. Цель – не комфортные условия жизни и отдыха, а создание среды для растущих, город как шанс для самореализации потенциала человека.

У каждого из нас должна быть встреча с мастером, чтобы увидеть это чудо – есть некто, кто ярче реальности и не намерен проектировать стандарт. Мне очень повезло. Встреча с мастером самое главное в жизни молодого специалиста. Путеводная звезда, ориентир на годы вперед. Корбюзье рисовал архитектуру, а Ариф творил будущее своих учеников.

Теперь дело Арифа продолжают его сыновья и ученики. Они стремятся создать вокруг себя творческую среду, атмосферу азарта и фантазирования.

Сын архитектора **Гейдар Асланов**, преподаватель БГУ, о своем отце:

– Такой тип интеллигента ушел, видимо, навсегда. Эпоха, породившая этих уникальных людей, исключена сегодня из истории, а значит, лишена права на репликацию. Это была выдающаяся эпоха созидания, неподдельно высокого качества элиты. Эпоха, не оцифрованная деньгами.

Я ни в коей мере не говорю это как сын о своем отце – понятие отцовства у нас в семье было не по порождению, не по крови, а по служению идее на личном примере. Отец относился к своим студентам, как к сыновьям, а мой брат и я относились к отцу, как студенты к выдающемуся наставнику. Мне, как сыну, довелось у него учиться, образно говоря, на вечернем факультете.

О неподдельности эпохи.

Две вещи не терпят фальши – музыка и архитектура. Музыка – нравственный камертон человека. Фальшь в музыке – цинизм коммерции. Архитектура – это школа и вкус, изваяние благородства. Фальшь в архитектуре – плебейский китч. Как новатор и нонконформист, мой отец не принимал другое понимание служения обществу как только человек эпохи созидания. Кажется парадоксальным, что этот концептуальный оппонент большевизма, был не рад распаду СССР. Ведь противник был повержен в результате предательства – а это трагедия, и радоваться предательству недостойно.

Музыка и архитектура в его жизни.

Генетический музыкант из Карабаха, для которого рыцарская Европа и эпический Восток явили миру послание в музыке Баха и Вагнера, Хана и Гадира, в композициях «Пинк Флойд» и в рагах Шивкумара Шармы. Все эти сакральные гимны воспринимались отцом как напряженный поиск гармоничного развития человека, нации. Он обладал врожденным слухом высшей врожденной нравственности, недоступной стереотипному мышлению. Этот слух мгновенно позволял ему выявлять фальшь в общении, скрытые намерения ложных лозунгов.

В архитектуре он был идеолог евразийства, последовательный традиционалист, для которого архитектура Европы и Востока явили единый алгоритм возвышения над консерватизмом застывших форм и стилей. Он блестяще реализовался и в авторских проектах, и в воспитании плеяды отличных архитекторов. Научил их превращать процесс проектирования в радость творчества. Каждый его ученик – как интересный проект оригинального здания. Ни одной «типовой» работы за десятилетия преподавания.

Этот человек жил не для себя и не для своих, но ради какой-то вечной красоты, вечно влюбленный – жил духом. Это великая привилегия, в этом аристократизм – избрать для себя большую цель, наметить стратегическую задачу и выполнять ее до самой смерти.

Повторится ли вновь уникальность эпохальной констелляции из музыки, любви, архитектуры, педагогики новаторства в такой совершенной форме? Наверняка еще будет много архитекторов-стратегов, но нашему обществу нужны в первую очередь педагоги-стратеги.
